

Урканский мост рассказ

Внешне ничем не примечателен Урканский мост: большой и прямой – как будто был всегда. Но когда начиналось строительство Зейской ГЭС, тут была лишь паромная переправа. Правда, зимой реку переезжали с ходу – по льду. А летом у обеих берегов Уркана, и со стороны Тыгды, и со стороны Зеи круглые сутки томились длинные вереницы машин в ожидании паромной переправы. А уж в периоды весенних и осенних ледоломов, во время муссонных дождей город Зея и с ним весь обширный Зейский район были напрочь отсечены от Большой земли. Только авиация да еще отчаянные охотники на своих лодках да катерах кое-как поддерживали сообщение. Жизнь района не то, чтобы совсем замирала, но теплилась едва-едва, потому что основные силы уходили на защиту от стихии, на попытки уменьшить ущерб, и была это не столько хозяйская деятельность, сколько борьба за выживание.

Урканский мост гэсовцы строили самым пожарным, сверхударным порядком, потому что без этого моста не только ГЭС, но и вообще ничего серьезного нельзя было начинать в Зейском районе. Поначалу навели понтонный мост, но с этими понтонами еще хуже намучились. Река то вымывала береговые сваи, то к понтонам цеплялись топляки, то вода напирала так, что трещали тросы. День и ночь стояли дозорные и чувствовали себя, как на войне. Урканский мост в Зеягэсстрое был объявлен объектом №1. Туда послали лучших людей и самые новые машины. Руководил работами замечательный парень из Новобурейска Виктор Нагорянский – молодой инженер. Неразговорчивый и с виду неторопливый, он нагнал такого темпа, что в Зее все только ахнули, когда радио объявило: путь открыт! А Нагорянский усмехнулся – за время этой стройки он получил немало выговоров и... повышение в должности.

Несколько времянок-вагончиков, в которых жили строители моста, комсомольцы прозвали поселок «Романтик». Туда иногда навевывались зейские деды, участники гражданской войны. Они-то и рассказали комсомольцам-романтикам о партизанском отряде, о его руководителе – большевике Федоре Кошелеве – человеке богатырской силы, отважном и справедливом; показали им место на берегу, где командир ожидал японских парламентариев. И, когда работы на мосту были закончены, строители поставили на видном месте обелиск в память о героях далекой гражданской.

...Осенью 1917 года, незадолго до Октябрьской революции, Федор Кошелев появился здесь, на урканской переправе, с котомкой за плечами. Он возвращался домой в Зею с германского фронта, где был ранен и где вступил в партию большевиков. Федор так спешил, что не стал дожидаться попутчиков – 120 километров прошагал один по тыгдинскому тракту за три дня.

Зимой Кошелева – бывшего рабочего прииска, избрали заместителем председателя исполкома Зейского Совдепа.

А на рассвете 19 сентября 1918 года усиленный японский батальон с орудиями, пулеметами, грузовиками под командованием майора вступил в Зею. К интервентам присоединились белоказачьи сотни, подразделения колчаковской пехоты. Богатеи и разного рода дельцы, которым совдеповские строгие порядки и рабочий контроль были не по нутру, встретили интервентов горячими приветствиями и колокольным трезвонном.

За головы председателя исполкома Боровинского и Кошелева была объявлена награда – 30 тысяч рублей.

Больной, обмороженный преследуемый карателями по пятам, Кошелев все же неотступно кружил по тайге вокруг Зеи; и с каждым месяцем сочувствующих у «советчиков» становилось все больше. Теперь уже и глубинные таежные охотники, и сектанты брались за берданы и уходили в отряды. Там были и русские, и якуты, и эвенки.

С весны 1919 года партизаны блокировали дороги. Посланные группы карателей возвращались в самом жалком состоянии или не возвращались вовсе. Теперь уже партизан встречали колокольным звоном освобожденные села.

Фактически к концу 1919 года японцы оказались в Зее в осаде, причем внутри города активно действовало большевистское подполье. Еще висели на улицах вылинявшие плакаты с обещанием выплатить за головы большевиков 30 тысяч, а на деле оккупанты даже по тыгдинскому тракту осмеливались двигаться лишь большими отрядами. В селах возрождалась Советская власть.

Японцы почувствовали, что не смогут больше удержаться на этой горящей под ногами земле. Начались переговоры о нейтралитете, о выводе оккупационных войск. Дело дошло до того, что интервенты вынуждены были всякий раз испрашивать разрешения у партизан на передвижение. Японцам пришлось признать и временный исполком, созданный в Зею, в который вошли руководители подполья и председатели профсоюзов.

Тем не менее войска интервентов сохраняли боеспособность; и областной комитет стремился как можно скорее вывести японские дивизии, приказывая не поддаваться ни на какие провокации, чтобы не дать повода развернуть боевые действия. И тут произошла примечательная история. Уходя, японцы задумали прихватить с собой 87 пудов (почти 1400 кг.) золота, оставшегося в сейфах лаборатории. Командир отряда Федор Кошелев решил во что бы то ни стало воспрепятствовать грабежу.

Командир отряда знал, чем рискует. В телефонно-телеграфных переговорах фигурировали мифические артиллерийские батареи, эскадроны, пулеметные взводы. Майор в ярости грозил мощью японской императорской армии, пугал войной от Байкала до Владивостока. Кошелев же в телефонном разговоре твердо пообещал истребить батальон, если не прекратится мародерство, хотя понимал, что не сделает ни единого выстрела.

Эвакуация затягивалась. Из Благовещенска Кошелеву пришло строжайшее указание: пропустить японцев беспрепятственно.

...И настал день, когда на берегу замерзшего Уркана, на взгорке появились несколько всадников под красным флагом, на заиндевевших конях – в полушубках, папахах и валенках. Один из них – Кошелев. Вскоре и на левом берегу, со стороны Зеи, показался обоз. На передних санях под японским флагом – промерзшие до костей парламентареры.

Сошлись они на льду Уркана, а переговоры проходили в таежной избе, неподалеку от реки. В качестве почетного караула Кошелев сам выбрал и выставил четырех устрашающего вида великанов – бородатых староверов – в огромных папахах с красными лентами, с головы до ног увешанных оружием. Кошелев явно играл роль партизанского атамана, которому никакие законы не писаны, тот самый Кошелев – сторонник строжайшей дисциплины и порядка – и в армии, и в хозяйстве. Как только японцы заикнулись о «военных трофеях», Кошелев оборвал: «Трофеи берутся после победы. Вы победы не одержали...» Интервенты поняли, что с Кошелева станется – такой даст команду уничтожить батальон, и они вернули золото. Тотчас появились недостающие подводы и возчики; партизанские конники предложили сами охранять обоз, чтобы не было нигде задержки и препятствия.

Вскоре «Отряд Федора» торжественно вступил в город. Что и говорить, спасенное золото очень пригодилось стране в годы разрухи и голода. И совершенно справедливо зейские комсомольцы посчитали партизан отряда Кошелева самыми прямыми участниками сооружения урканского моста.

Там, где Кошелев с котомкой за плечами шагал в Зею устанавливать справедливую власть, со звоном проносятся скоростные автобусы. Но при въезде на урканский мост машины замедляют ход. Что там? Простойobelisk. Как много их на нашей земле!..

Николай Сачков.
2013 г.